

© 2013 г. В.И. КОСИК

ВАРДАРСКАЯ МАКЕДОНИЯ МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

Статья посвящена хозяйственной, партийной, политической, национальной, полиэтнической истории Вардарской Македонии в составе Королевства сербов, хорватов и словенцев (Королевство Югославия). В ней рассматриваются сюжеты, связанные с колонизацией края, деятельностью качаков, македонских революционеров, политической Белграда и Софии.

The article deals with the economic, party, political, national and multi-ethnic history of the Vardar's Macedonia in the framework of the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenians (the Kingdom of Yugoslavia). It considers issues related to the colonisation of the region, activities of the Kachaks, Macedonian revolutionaries, policy of Belgrade and Sofia.

Ключевые слова: македонская проблема, комиты, четники, ВМРО, качаки, колонизация, коррупционность, просвещение, балканский менталитет.

Первая мировая война и крушение традиционных империй ускорили решение национального вопроса для некоторых славянских народов, но только не македонского. Можно сказать, что произошедший после окончания войны раздел македонской территории только усугубил проблему. Если раньше православные македонцы находились «под колпаком» мусульманской Турции, то в новой ситуации они оказались поделенными соседними христианскими государствами, что только обострило проблему достижения национальной независимости.

Для сербских властей новоприобретенные владения, когда-то входившие в Великую Сербию воителей и святых из рода Неманичей, давно носили название Южной Сербии, юга Королевства. Для болгарских властей население македонских земель, отошедших к их давним соперникам, составляли болгары, искусственно разделенные великими державами. Сама история, по утверждению болгарской стороны – от политики «слова» до практики «дела», подтверждала их права на Вардарскую Македонию, откуда бежали от новых «правителей» на болгарскую сторону тысячи беженцев-болгар. Проблема беженцев, отягощавших, кстати, бюджет болгарской короны, только добавляла «холода».

Ситуация в Вардарской Македонии может быть обрисована через ряд сюжетов, представленных в статье.

Итак, по Видовданской конституции (ст. 95) страна была разделена на 33 области, из которых три были условно македонскими – Битольская, Брегалничкая, Скопльская. Меньшей административной единицей являлась околия. В Вардарской Македонии насчитывалось 31 околия, из которых 14 входили в Битольскую область [1. С. 25].

Косик Виктор Иванович – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Сведения о количестве жителей Южной Сербии или «Юга», как они ее называли, по переписи 1921 г. были таковы: общее число 1 476 747 человек, из них 59.5% – «сербов или хорватов», 28.2% – арнауты, 10% – турки, и «остальные». Все они жили на территории, площадь которой, согласно статистике 1921 г., составляла 45 717 кв. км. [2. С. 45].

В 1929 г. Южная Сербия была разделена по новому административному делению на девять бановин. Вардарская бановина с центром в Скопье охватывала территорию Вардарской части Македонии, часть Южной Сербии и земли Метохии. Белградская власть намеренно связала македонские и сербские края в единую административную единицу [1. С. 27]. По переписи населения 31 марта 1931 г. Вардарская бановина была поделена на 44 околии и 453 общины. Число населенных мест – 2169. Вардарская часть Македонии, входившая в состав бановины, состояла из 29 околий, часть Сербии в бановине охватывала восемь околий, часть Метохии – семь околий [1. С. 28].

Перед Белградом встала нелегкая задача «завоевания» «своего Юга» во времени, богатом на идеи сепаратизма, революции, когда терроризм становился средством достижения справедливости, когда национализм, патриотизм, коммунизм, сепаратизм и другие «измы» чрезвычайно затрудняли столь желанную органичность вхождения новых земель в Королевство сербов, хорватов и словенцев.

Постараюсь здесь сжато обрисовать социально-экономическую, политическую, революционную картины того времени.

Первое. Природные рудные богатства: хромиты, олово, цинк, золото, серебро, мрамор оставались почти нетронутыми. Соответственно и не было пролетариата в его европейском смысле, этой движущей силы революции. Практически, на рудниках трудились бывшие крестьяне, не равные с землей, помогавшей им выжить в тяжелые времена.

В 1937 г. вардарский бан М. Новакович писал в Белград: «Промышленность в бановине в своем большинстве не развита. Сравнительно большие текстильные фабрики находятся в Лесковце и его окрестностях. В Южной Сербии расположена одна фабрика алкалоида, фабрика цемента, много фабрик по производству растительного масла, мыла, большое количество модернизированных мельниц и несколько складов табака. Остальные небольшие фабрики, по сути, представляют собой расширенное ремесленное производство» [3. Ф. 37. Д. 51]¹.

В 1938 г. в Македонии было 103 предприятия, на которых работали 3028 человек или 1.1% от общего числа работников в Югославии [4. С. 32].

Второе. Традиционность крестьянского труда. На полях выращивали пшеницу, кукурузу, табак, опийный мак, рис и другие пользующиеся спросом продукты земли. Сельское население традиционно продолжали грабить откупщики, приобретаемая задешево и продавая на порядки выше продукты сельского хозяйства.

Так, покупая в у крестьян табак по 50 динаров за килограмм, они продавали его по 150–200 динаров. Судя по критическому выступлению депутата в скупщине от Лесковачского района Т. Тоница крестьяне были вынуждены отдавать центнер пшеницы за 50 динаров, кукурузы – по 40–45 динаров, пара волов стоила 800 динаров, корова 300 динаров, в то время как один день депутата оценивался в 500 динаров, а занавес для туалета в скупщине стоил свыше 2000 динаров [3. С. 158].

Тяжелое положение было и с опием. Только в Скопле находился единственный пункт по откупу опия, где он приобретался по 100–150 динаров за килограмм вместо «нормальной цены» от 400 до 450 динаров [5. С. 158]. Во время мирового кризиса экономическое положение в здешних краях ухудшилось, например, производство хлопка упало почти на 40% [5. С. 162].

¹ Здесь и далее отсутствие указания на лист обусловлено тем, что нумерации страниц нет в деле.

Перед началом Второй мировой войны положение несколько выправилось. М. Новакович в письме председателю Совета министров и министру иностранных дел М. Стоядиновичу от 7 октября 1937 г. отметил следующее: «Экономическое положение в бановине благоприятное. Сельскохозяйственное производство здесь весьма различно: одни края занимаются зерновыми культурами, другие овощными, третьи животноводством, четвертые рыболовством, а юго-восточные края занимаются выращиванием экзотических растений, как, например, хлопка, риса, арахиса, фиников, афюна. Табак выращивается в восточном крае от Вранье до Преспе. Культура хлопка развивается очень хорошо. В этом году срез Струмичский обработал 1600 гектаров. Джевджеля, Валандово, Неготин, Кавадар и Овче поле – все вместе около 2000 га. Самый лучший урожай в Струмице до 1200 кг на гектар, самый низкий на Овчем поле – до 700 кг по гектару, где он начал выращиваться только в этом году. Министерство сельского хозяйства купило машины по отделению семян от хлопка. Семена употребляются для отжима масла» [3. Ф. 37. Д. 51].

Но не все было так гладко.

Большим местом в Вардарской бановине оставались дороги, вернее, их отсутствие. Так, по свидетельству депутата Д. Поповича (выступление в скупщине 10 марта 1934 г.) крестьяне должны пройти 30 км до рынка, чтобы продать воз дров, за который выручат 20–30 динаров. Причем на рубку леса им нужен целый день, к этому следует добавить и необходимость приобретения на вывоз особого документа, за который они должны заплатить самое меньшее 500 динаров, «а если бедняк не может платить и если идет без бумаги, сторожа леса конфискуют дрова или взимают штраф от 80 динаров» [5. С. 163].

К этому следует присовокупить немного слов о настроениях самого крестьянства в новой стране. 22 июня 1921 г. в Белград ушло донесение от одного из высших армейских чинов, дивизия которого была размещена на македонских землях. В нем он, в частности, писал: «Здесьнее македонское население далеко отстало от любой культуры и прогресса. Оно долгое время было в рабстве и приучилось слушаться, при этом принимая все те характерные особенности, которые влечет за собой рабство.

Масса не способна думать [...] и еще меньше способна понимать данные ей великие политические свободы и ее цели.

Это факты, которые болгары использовали в своей длительной агитации в массе здешнего населения, имели, к сожалению, большой успех. Они в массах создали болгарское чувство, привлекли его для своих идей, для своего интереса [...]

Не является ничем новым, что ядро болгарской интеллигенции, как и большая часть болгарских министров из нашей Македонии [...] неустанно работают, чтобы добиться для Македонии свободы, которую бы она имела только вместе с Болгарией [...]

В своей [...] акции они не выбирают средств и таким образом ставили болгарскую национальную идею [...] на службу коммунизму [...]

Наибольший ущерб несут нам плохие воспитатели массы народа – учителя и священники [...]

Все эти обстоятельства внимательно отслеживали болгары, и когда видели, что наша администрация подготовила им почву, что население будет недовольно нашей громоздкой администрацией, то развили агитацию [...], которая сейчас тормозит наш государственный механизм» [3. Ф. 14. Д. 179].

Комментарий к этому любопытному письму я дам в своем дальнейшем освещении истории македонских земель.

Третье. Колонизационная политика Белграда по «разбавлению» сербами местного населения и связанная с ней аграрная реформа, объявленная в 1919 г., растянулась до 1930-х годов. В заявленном властями процессе передела земель

(крупных турецких владений), связанного с отменой прежних порядков османской Турции, продекларированная новыми властями «справедливость» оказалась на стороне сербов. Надо отметить, что новые поселенцы также обкрадывались нередко «своими чиновниками» [2. С. 212, 213].

С конца 1925 г. в Македонии было роздано свыше 70 тыс. га, в основном, колонистам [4. С. 26]. Согласно приводимым В. Йовановичем данным из книги В. Бурзевского, 52,4% земли получили колонисты, 39,5% македонские крестьяне, остаток в 8% был разделен между школами, армией и жандармерией [2. С. 216].

А сколько поселенцев было вообще? Судя по работе А. Апостолова к июню 1940 г. в Македонии было 280 колоний с 4167 семьями (цит. по [4. С. 25]).

Много это или мало? По переписи 31 марта 1931 г. в 29 околиях Вардарской Македонии насчитывалось 1 574 243 человека. Но не надо забывать, что туда входили восемь околий из Сербии, а именно: Босилградска (Босилград), Ябланичка (Лебане), Лесковачка (Лесковац), Масуричка (Сурдулица), Пчиньска (Вранье), Польяничка (Владички хан) Прешевска (Прешево), Власотиньска (Власотинци), в которых проживали 348 040 жителей или 22,11% от общего числа, и часть Метохии из семи околий: Гньиланска (Гньилане), Горска (Драгаш), Грачаничка (Приштина), Качаничка (Качаник), Неродимска (Урошевац), Подгорска (Сува Река), Шар-Планинска (Призрен), где жили 276 245 человек или 15,55% [1. С. 28].

Сербский историк Б. Петранович приводит другие данные, а именно: в Королевстве СХС проживали 630 000 македонцев. Примерно такую же цифру (около 600 000) приводят британские аналитики [2. С. 46].

Уже из приведенных цифр видно, что число колонистов не было таким уж значительным.

Тем не менее, поселенцы, даже там, где их было меньше, играли в общественно-политической жизни «ведущую или почти ведущую роль» будучи в абсолютном большинстве членами Югославской радикальной партии [3. Ф. 37. Д. 51].

Историк Дж. Крстич писал: «Результат нашей колонизационной политики ни по количеству поселений и переселенческих семейств, ни по положению переселенцев, ни по способу их расселения в колониях и по потраченному времени и средствам не имеет успеха, которым наш государственный аппарат мог бы гордиться» (цит. по [4. С. 65]).

К этому надо добавить, что постоянные перемещения чиновничества с места на место препятствовали налаживанию нормальной государственной работы на местах. Власти, признавая этот крупный недостаток, подчеркивали необходимость найти способ, чтобы чиновники не чувствовали себя «временщиками» [3. Ф. 14. Д. 179].

Однако это было весьма трудным делом. Прибыть в какое-либо место, обогатиться через взяточничество и ... уехать – вот, пожалуй, что было традицией для местного чиновничества. В качестве примера: командир Битольской дивизии получил информацию о том, что на пути из Дебра в Стругу замечен «караван коней, нагруженных вещами одного полицейского чиновника, который пару месяцев назад прибыл в Дебар с одним чемоданом» [2. С. 78]. Как подчеркивает сербский историк В. Йованович, «чиновничество в южном крае характеризовали такие черты, как “сила турецкой традиции”, “балканский менталитет” и коррумпированность всех типов, что не мешало стремительному увеличению их численности». В 1931 г. в Вардарской бановине насчитывалось 22 319 «чиновников и служащих» [2. С. 79].

Местное население также не было расположено к «людям нездешним». В корреспонденции человека, близкого к Министерству внутренних дел и объехавшего за 13 дней августа 1938 г. Скопле, Велес, Прилеп, Битоль, Охрид, Ресан, Кавадар, Куманово подчеркивалось, что он всюду слышал негодование на так называемых

ульезов, т.е. приезжих, которые в Южной Сербии обжились и считали себя призванными работать во имя народа из Южной Сербии [3. Ф. 37. Д. 51].

Ко всему этому стоит добавить, что, судя по выступлению 18 марта 1933 г. депутата Овчепольского района в Скупщине М. Стоядиновича, содержание аппарата, проводившего аграрную реформу «юга Сербии» обошлось дороже, нежели сама реформа [5. С. 161].

И, конечно, неуспех, а, может быть, провал колонизации был обусловлен и нападениями комитов – членов различных революционных отрядов, для которых террор был одним из средств борьбы с «сербскими захватчиками». Так, нападение на одно из сел в окрестностях Щипа (Штипа), совершенное 16 января 1923 г., вызвало отъезд многих колонистских семейств не только оттуда, но и из других мест Македонии [4. С. 32].

Четвертое. Комиты. Вначале немного статистики. За период 1919–1934 официально учтено 467 нападений комитов, во время которых погибли 185 человек, ранены 253 служащих и 288 гражданских лиц [2. С. 194].

На страницах донесений в Белград от представителей сербских властей разного ранга в первые годы постоянно присутствовала тема комитов. Соответственно, центру надо было обеспечить безопасность границ, не допускать перехода ее врагами Королевства, членами Внутренней македонской революционной организации (ВМРО) и ограничить вплоть до полной ликвидации ее антигосударственную деятельность на территории новых владений, точнее, на македонских землях. И враги эти были весьма серьезными.

Лидер ВМРО Иван Михайлов перед Рождеством 1932 г. в интервью хорватскому политику Марко Дошену заявил, что «македонцы еще давно сказали, что с сербом можно разговаривать только с винтовкой и гранатой. Я уверен, что мирным путем такая программа не осуществляется» [6. С. 119].

Для него Белград, создавший из Македонии «южную Сербию», сотворил там «южный ад». «Или достойная свободная жизнь для человека и народа или – честная смерть. Среднего пути в борьбе за свободу нет!» – заключал Иван Михайлов в дружественном Загребе, где по его выражению Белградом был устроен «северозападный ад», от которого и хорватам нужно избавляться «любой ценой» [6. С. 120].

Борьба требовала оружия, денег, и, главное, людей. С оружием дело обстояло неплохо, учитывая, что на Балканах после прошедших войн его было вдоволь. Только два примера.

В газете «Старое время» сообщалось: «По официальным сведениям из Охрида местная полиция в одном из сел обнаружила склад оружия – 120 пулеметов и патроны к ним. Пулеметы оказались болгарского типа и по показаниям крестьян находились под землей еще с начала войны. Между тем власти утверждают, что это один из складов Тодора Александрова, которых много в Южной Сербии. Вблизи склада был найден один болгарский комит, который при аресте пытался застрелиться. Предполагают, что пойманный комит имел задачу снабжать недовольное население оружием и подчинить его болгарским комитским отрядам» [7. 26 II 1924]. 14 июля 1926 г. Леринский воевода ВМРО Асен Горов выдал свидетельство своему четнику Христо Д. Хлебарову о том, что он направляется на лечение в Болгарию, в связи с чем у него было принято А. Горовым следующее снаряжение: карабин № 1374 и нож, патронташ с 200 патронами, четыре больших гранаты, ½ кг пироксилина, парабеллум № 2084, патронов для парабеллума 150, обоймы для парабеллума шесть, один плащ, один ранец и пр. [13. Ф. 14. Д. 28. Л. 10–11].

Итак, с оружием проблем не было.

Теперь о деньгах: левы, динары и другая валюта. Одним из главных источников финансирования служили средства, полученные от местного населения, жившего в болгарском приграничье: Петричский и Кюстендилский края. Не «забывались»

и селяне, жившие по другую сторону границы. Причем, комиты здесь, случалось, действовали с крайней жестокостью. Так, в одном из документов, датированных весной 1921 г., сообщалось следующее: «Чета Глигорова 17 марта перешла границу около села Перпорие. Здесь от надежных людей получила продовольствие и проводника. В село несколько дней тому назад возвратились некие отходники, работавшие в Америке. Чета у них требовала денег для болгарского дела, на что они им ответили, что здесь Югославия и они больше ничего не хотят знать о четах [...] Эти тогда заперли их в дома и дома подожгли, но крестьяне их спасли, чтобы не сгорели внутри» [3. Ф. 14. Д. 29. Л. 101].

Не отставали и качаки, так называемые повстанцы-албанцы, у которых были свои счета с сербами, нередко зарабатывавшие себе на жизнь разбоем. В качестве примера приведу одно из донесений в Министерство внутренних дел от 17 сентября 1921 г. В нем говорилось, что в «округе Скоплянском одна чета арнаутских качаков из 60 человек дождалась и захватила в плен на дороге Скопле – Тетово 60 путников, назначила сумму за выкуп и отвела их в горы» [3. Ф. 14. Д. 179].

Ставшие обыденными такие факты были обусловлены, как признавали сами власти, во многом коррумпированностью полицейской власти. Надо было заменять местную пограничную стражу на «людей из внутренней Сербии», увеличить количество жандармов и усилить над ними контроль [3. Ф. 14. Д. 179]. Все это, полагаю, делалось, но не так быстро.

И, теперь, вновь о комитах. Безусловно, они знали, за что ведут борьбу. Один из комитов писал в 1926 г. неким своим «дорогим Крсто и Боре»: «Всем вам шлем сердечное поздравление из этого милого края лазурного неба, дивно-прекрасных лесов, в которых поют гайдуцкие песни, и цветущих полей, заброшенных, вытоптаных отвратительными пресмыкающимися – от разных насильников греков и сербов. Пишу с дивного красивого места. Мой взор охватывает все родные горы.

Неописуемое одушевление, мятежная душа горит от желания, чтобы вновь броситься на проклятого врага и окончательно его уничтожить. Он [...] грабит, колет наш невинный народ. Но уже мало ему остается. Чаша терпения переливается. Закипят волны народного негодования и тогда куда пойдут палачи народа? Родные сыновья измученной и исстрадавшейся страны блуждают по непроходимым горным лесам, оберегая народ от [...] тиранов, готовые положить жизнь на святой алтарь свободы» [3. Ф. 14. Д. 28. Л. 12].

Только «популярный» терроризм, по убеждению многих его сторонников, мог «сломать» империю, жесткая политика которой по сербизации македонского населения снижала опасность ее революционизации. Белграду в немалой степени помогали зачастую кровавые, внутренние раздоры в среде ВМРО. Свой «вклад» вносила и борьба македонцев-автономистов со своими соплеменниками-федералистами, поступившими на сербскую службу.

Эта борьба началась еще в 1921 г. Тогда же группа «сознательных» македонских революционеров конституировалась в организацию под названием «Македонская Федеративная организация», отделилась от ВМРО и начала борьбу по ее уничтожению. Руководителем этой новой группы стал Славе Иванов. Как писал один из членов этой группы, укрывшийся под инициалами С.И. (скорее всего это был сам Славе Иванов), Тодор Александров «сделал из ВМРО орудие в руках [...] болгарских политических партий, которые манипулировали ею, исходя из своих партийных интересов и интересов болгарской государственной политики [...] ВМРО служила и болгарскому Двору и военной лиге, с которой поддерживала тесную связь и получала инструкции». Александров не остался в долгу и поспешил в своем воззвании назвать «федералистов» «предателями и сербскими шпионами». Последовали вскоре и убийства с обеих сторон. В итоге, небольшая группа С. Иванова была вынуждена укрыться на территории Королевства СХС, власти которой (Н. Пашич прежде всего) снабжали ее деньгами для борьбы с

ВМРО. В 1925 г. «беглецы» создали организацию под названием «Объединение против болгарских бандитов». Бывшие члены ВМРО тогда «говорили, что мы эту организацию создавали и мы ее уничтожим как пакостную и ненужную для македонских интересов» [17. Ф. 37. Д. 51].

Снова началась кровавая борьба с жертвами с обеих сторон.

О ситуации, сложившейся в Вардарской Македонии с болгарами, последние информировали Лигу Наций. В январе 1930 г. их представители Гр. Атанасов, Д. Шалев, Д. Илиев – адвокаты из Кавадарцы, Скопле и Велеса подали ее главному секретарю Эрику Друммонду в Женеве петицию, в которой просили признать «болгарское меньшинство в Югославии, которое составляет компактную массу, живущую в Македонии». Однако королевское правительство в ответ на запрос секретариата Лиги Наций ответило, что «славянское население в Южной Сербии не является меньшинством ни по языку, ни по расе, ни по религии и неотличимо от других сербов в королевстве», поэтому оно не может иметь какие-либо права считать себя меньшинством [4. С. 70–71].

В Вардарской Македонии действовали и коммунисты, однако их деятельность не была успешной среди населения.

Пятое. В ход шло не только оружие, но и сама история, просвещение. На этом поле наступательной стороной была Сербия.

Еще в 1906 г. сербский проф. Йован Цвиич представил идейную и научную основу для «сербизации» Македонии. По его мнению, Македония в этнографическом и лингвистическом отношении была ближе к сербам, нежели к болгарам. Он считал македонское население аморфной массой, из которой легко можно сделать как болгар, так и сербов (цит. по [4. С. 52]).

Практик Н. Пашич считал, что Македония может быть «сербизирована» за десять лет. Главный удар был направлен против болгар, так как, по мнению сербских властей, их ассимиляция как национальной группы, которая в языковом, религиозном и этнографическом отношении стоит ближе всего к сербам, легче осуществима. Для этой цели власть закрывала все училища, церкви, читальни, библиотеки македонских болгар, запрещала болгарскую речь, периодическую печать, не допускала проникновение болгарской книги в Македонию. В каждом учреждении на видном месте были надписи «Говори только на официальном языке». В училище перед чтением молитвы ученики должны были громко три раза сказать: «Я настоящий серб, отец мой и мать моя настоящие сербы». Сербская власть в Вардарской Македонии (без Струмишского округа) уволила пять болгарских владык, 647 священников, закрыла 677 церквей, 48 монастырей, 556 начальных (основных) училищ с 847 учителями и 33 056 учениками [4. С. 49].

Сюда можно добавить, что в церквах появились списки с сербскими именами, которые можно давать новорожденным. Насильственно менялись окончания фамилий с «ов» на «ич» [4. С. 52]. Для детей из Македонии щедро открывались пансионы в Белграде и других крупных городах.

Массовое просвещение по-сербски осуществлялось в самой Вардарской Македонии, в ее городах и селах. Каким оно было? Вначале информация из 1921 г. Судя по письму окружных властей Скопье, «на школы обращается большое внимание, в районе скопльском строится семь новых школ. В районе Велешком есть тридцать восемь школ. В самом Скопле община предприняла ремонт всех основных школ. Школы в городах хорошо посещаются, в селах слабее.

Средние школы в Скопле и Велесе, гимназии, торговая школа, учительская школа отлично посещаются [...] Для женских ремесленных школ (две в Скопле и одна в Велесе) окружная скупщина втировала большую помощь» [3. Ф. 14. Д. 179].

Теперь позволю представить городскую «картинку»: Охрид – 1568 домов, 10 416 жителей, суд, гимназия, основная школа, трудовая, вечерняя ремесленная

школа и старые церкви, четыре адвоката. Приедор – 1040 домов, 6000 жителей, гимназия и две начальные школы, железный рудник Любия – 13 км от города, ярмарка с 2 августа. Прилеп – 4448 домов, 20 623 жителей. В городе действовали: суд, финансовое управление, жандармское управление, архиерей, муфтий, гимназии, учительская школа, семь начальных и вечерняя торгово-промышленная школа, три адвоката [8. С. 696, 701].

В Вардарской бановине действовали женские ремесленные школы, торговые школы, специализированные, торговые академии [9. С. 103].

В начале 1930-х годов на одну тысячу жителей приходилось одно среднее училище. В начальных школах изучали, прежде всего, сербский язык и литературу [4. С. 51].

М. Новакович 16 декабря 1937 г. писал в Белград, что «каждое село хочет иметь свою школу. Многие новые школы строят. По возможности выделяем деньги из бюджета бановины» [3. Ф. 37. Д. 51]. В 1937 г. государство одобрило кредит на сумму 4 800 000 динаров на строительство гимназий в Скопье и Приштине, больниц в Штипе и Призрене [3. Ф. 37. Д. 51].

23 января 1938 г. была торжественно открыта четвертая начальная школа «Доситей Обрадович». Вместе с двором она занимала площадь в 13 тысяч кв. м. и могла принять свыше 700 детей. Стоившая около 2 млн динаров, не считая земли, школа отвечала всем условиям дидактического, гигиенического и эстетического характера [3. Ф. 38. Д. 10].

Безусловно, образовательным центром было Скопье, с 1929 г. – столица Вардарской бановины. В 1920 г. там был открыт философский факультет как филиал Белградского университета. На него возлагалась «культурно-национальная миссия» стать проводником сербкой культуры и просвещения [4. С. 50]. На факультете читали лекции замечательные русские ученые, такие как Петр Михайлович Бицилли, историк культуры, Владимир Алексеевич Мошин, преподававший историю Византии и Римского царства, Евгений Васильевич Аничков, историк литературы.

Почти одновременно (с 1923 г.) в главном городе Вардарской бановины начал работать Народный университет, основанный по образцу Коларчева университета в Белграде. Основная цель была направлена к решению двух задач: 1) знакомить широкую общественность с новейшими научными достижениями из разных научных областей; 2) через лекции наиболее авторитетных представителей сербской и югославянской науки повышать общую культуру и образовательный уровень в широких слоях городского населения, а также поощрять молодое поколение отечественной интеллигенции к изучению основных проблем прошлого и настоящего краев. В Народном университете, согласно статистическим данным, за первые пять лет было прочитано 99 лекций по различным специальностям [10. С. 123].

Среди преподавателей были и русские, например, Петр Митропан, знакомивший слушателей с современной русской литературой в эмиграции и в СССР, и Алексей Елачич – с царствованием Екатерины II, рассказывавший о славянских апостолах Кирилле и Мефодии. Предполагаю, что для слушателей была интересна его лекция «Россия на переломе в начале царствования Петра Великого». В ходе лекции было спето русскими несколько арий из оперы Мусоргского «Хованщина» в исполнении актрисы Народного театра Анны Дориан. В мини-концерте принимали участие профессор Учительской школы Димитрий Шатуленко, преподаватель музыки Сергей Красовский, профессор гимназии Виктор Петров [10. С. 124, 126–128].

Шестое. Политика противоборствующих сил. К вопросу о самосознании населения.

В 1921 г. в Белграде был убит болгарский посол Димитров. 23 марта 1923 г. лидер Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС) Ст. Стамболийский

подписал Нишское соглашение, по которому формально отказывался от притязаний на Македонию. 14 июня 1923 г. произошло убийство С. Стамболийского, принявшего за месяц до гибели ряд мер против революционных организаций. Новый глава Болгарии Александр Цанков при открытии Народного собрания упомянул «болгарскую Македонию» [2. С. 154], что только усугубляло двусторонние отношения, которые уже были «подпорчены» вторжением комитетских отрядов с территории Болгарии. Сменивший Цанкова уроженец Ресена (Македония) Андрей Ляпчев пытался «утихомирить» ВМРО «бескровно», без применения силы, убеждая И. Михайлова не создавать проблем с четами и т.д. Однако все уговоры были тщетны [15. С. 195]. В октябре 1927 г. был убит в Штипе болгарофоб генерал Ковачевич. Ответ не замедлил последовать: убиты отец и брат И. Михайлова. В Юго-Западной Болгарии (Петричском и Кюстендилском краях) вводился режим чрезвычайного положения. 13 января 1928 г. в Скопье был убит В. Прелич – «инспириатор и вдохновитель гонений на болгар в Вардарской Македонии» [11. С. 197]. В 1928 г. И. Михайлов руками своих «подопечных» ликвидировал соперника генерала Ал. Протогерово. Вновь развернулась кровавая борьба между михайловистами и протогеровистами. В этой обстановке, как писал сам А. Ляпчев, «он не хотел быть палачом ВМРО», т.е. вел себя пассивно в развернувшейся распре, что дало преимущество михайловистам, наиболее радикальному крылу в ВМРО [1. С. 203–204].

Болгарские интересы в Вардарской Македонии в 1927 г. попыталась защищать, но безрезультатно, Великая ложа Болгарии, обратившаяся к своим «братьям» из Великой ложи Югославии. Таким же безуспешным стало обращение Великой ложи Болгарии ко всем своим «собратьям» в мире с призывом остановить «кровавое вытеснение» болгар из Вардарской Македонии. «Братья» из королевства ответили, что в Македонии «живут только сербы» [2. С. 158].

В процесс урегулирования отношений включился и царь Борис, пославший своего адъютанта на прием в югославское посольство (начало декабря 1929 г.) по случаю дня рождения короля Александра. Этот шаг и выражение сочувствия, проявленное болгарским правительством в связи с кончиной одного из югославских дипломатов, расценивались внимательно следившими за болгаро-югославскими отношениями британскими дипломатами как знак потепления между двумя странами [12. Т. 1. С. 169].

10 декабря 1933 г. в Белград прибыл с официальным визитом царь Борис и царица Йоанна в сопровождении принца Кирилла и министра иностранных дел А. Бурова. В официальном коммюнике говорилось о безотлагательности начала переговоров по заключению торгового договора, ветеринарной конвенции и соглашению по облегчению паспортного режима [12. Т.1. С. 282].

Но все это для простых жителей «Юга Сербии» оставалось пока политикой.

В Вардарской Македонии народ был исключен из общественно-политической жизни, он не имел права организовывать свои политические партии, участвовать в органах власти и администрации. Любой, кто «хотел занять место незначительного чиновника, должен был открыто и аргументированно заявить себя сербом, защитником существующей власти» [1. С. 22].

Но известно, что в Народной скупшине были македонцы от Вардарской бановины. Разумеется, они должны были называть себя сербами. В результате выборов в 1923 г. из 24 депутатов 17 были сербами, четыре албанцами и три турками. Из 17 депутатов, заявивших себя сербами, шесть были македонцы [13. С. 151, 152]. На выборах 1927 г., учитывая вышеназванное, только два депутата из двадцати двух, заявивших себя сербами, были македонцы [13. С. 240].

Если говорить о депутатской работе, то, как признавали сами власти, «многие депутаты ничего не сделали [...] Многие использовали мандат для личной выгоды, даже для обогащения, а многие полностью неспособны защищать интересы своих

избирателей» [3. Ф. 37. Д. 51]. Хотя, следует сказать, что некоторые депутаты от Вардарской бановины довольно активно выступали в скупшине, отстаивая интересы своих избирателей, интересы своего региона. Так, в октябре 1933 г. депутат М. Димитриевич выступил в скупшине за установление братских и дружеских отношений с Болгарией, так как они отвечают интересам осуществления «идеи мира и самого сердечного сотрудничества в духе нашего общего балканского девиза: Балканы балканским народам» [5. С. 167]. Это мнение, судя по последующим событиям, было далеко не единичным.

В 1937 г. по известным внешнеполитическим причинам был заключен болгаро-югославский пакт о «вечной дружбе». Двусторонняя ситуация нормализовалась, но говорить о ликвидации македонского вопроса было преждевременно. Судя по информации одного из федералистов, военный министр Христо Луков в 1937 г. во время приема делегации «македонствующих» сказал: «Потерпите парни. Болгария не забудет Македонию, за которую дали огромные жертвы. Сейчас политики Болгарии требуют вести миролюбивую политику с Югославией, потому что Болгарии нужно вооружение. Когда Болгария будет хорошо вооружена, тогда мы знаем, какую политику вести» [3. Ф. 37. Д. 51].

В этой связи весьма интересны впечатления скопльского торговца Ячуловича, посетившего летом 1938 г. Болгарию. В письменном виде они были переданы баном М. Новаковичем главе правительства М. Стоядиновичу. «По Болгарии кружат намеренно и злобно вброшенные неправды о нашем режиме в Южной Сербии. “Если это так, почему нам запрещен свободный доступ туда, – говорят они, – когда и пакт о дружбе существует”. Я им отвечал, что, прежде всего, нужно увериться в том, что этот пакт искренен и нужно перестать [выступать] со старыми лозунгами македонского комитета. У нас нет потребности пускать людей, которые нам нарушают работу и спокойствие, а каждому примерному болгарину въезд свободен, и много таких ежедневно въезжают.

Народ Южной Сербии – потомок того народа, который потерпел поражение на Косово [...] Болгарские школы, которые здесь были во время турецкого управления, были плод болгарской пропаганды, а не потому, что народ себя болгарским считал. Поэтому народ сейчас не имеет болгарских школ, так как никому не нужен болгарский язык, и никто с болгарским языком не может устроиться на государственную службу [...] На все это отвечали мне: [...] “Наша политика должна быть повернута на Добруджу и Солун. Югославия нам поможет. Болгария, выступая за искреннее и вечное соглашение, ввела строгую цензуру печати и ничего неблагоприятного мы за Югославию не можем написать”. Об обновлении македонского комитета не может быть и речи. “Братства”, которые раньше имели чисто политический характер, сейчас занимаются культурными и социальными вопросами» [3. Ф. 37. Д. 51].

Можно сказать, что и в самой Вардарской бановине сербы достигли многого: они, казалось, контролировали все, вплоть до денежных потоков – в 1939 г. Народный банк в Скопье имел 40 тыс. акций, из которых 35 тыс. принадлежали сербским банкирам [4. С. 43]. Не происходило только одного – желанной сербизации жителей.

Среди населения продолжали действовать антисербские настроения даже среди чиновников, ставших ради карьеры или по другим причинам «сербями». Одним из свидетельств может служить пение ими на свадьбе своего коллеги из Прилепа (17 июля 1938 г.) «революционных болгарских песен», а также о геройстве болгар во время войны с сербами, румынами и греками, т.е. Второй балканской войны. Были слышны старые речи о том, что в Сербии сейчас нет уже даже овечьих пастухов, все переселилось на новые земли и стали чиновниками. Это ненормальное положение могло быть исправлено только через раздел: «Македонию македонцам, Хорватию хорватам, а не сербам и словенцам [...] Сербские чиновники хотели

бы, чтобы у них была самая высокая плата, потому что они сербы. В этой стране нужно вводить федерацию, только тогда будет достаток у каждого, в противном случае кровь прольется в этой стране» [3. Ф. 37. Д. 51].

Однако такой «кровавый» радикализм был свойственен больше речам, нежели делам. В одной из бумаг (4 августа 1938 г.) Министерства внутренних дел сохранился реферат о «путешествии друга», проехавшего за 13 дней Скопле, Велес, Прилеп, Битоль и другие города. В этом любопытном документе утверждается, что среди молодой интеллигенции популярна идея о создании автономной Македонии в рамках Югославии, идут речи о локальном патриотизме, о сохранении македонского языка, о заботе о македонской культуре, об организации разбросанных македонцев по Югославии. Сам народ, утверждалось в реферате, «далек от этой новой промакедонской акции. Всюду чувствуется свобода, которой никогда раньше в Македонии не было. Никто больше не надеется на Болгарию и комитет» [3. Ф. 37. Д. 51].

Ситуация, действительно, изменилась. Неизменной оставалась идея о самостоятельной Македонии. Вновь получила распространение организация, выступавшая за автономную Македонию, члены которой утверждали, что народ в Македонии – это не сербы и не болгары, а македонцы. Автономисты активно старались привлечь молодежь, старались привлечь к себе людей, имеющих хотя бы какое-то влияние в своей среде. Наиболее широко организация действовала в небольших городках. Ее лидер Спира Китинчев ставил прямую задачу – создание Македонской партии, прежде всего, с помощью хорватского федералиста В. Мачека [3. Ф. 37. Д. 51].

Однако такая задача была трудно осуществима в условиях, когда «македонцы» для власти еще не существовали.

В тех условиях отсутствия своей партии жители «южной Сербии» ориентировались на другие партии, главным образом демократическую, полагая, что через нее могут легче воплотить в жизнь свою желанную цель. В радикальной партии их было меньше уже по той причине, что ее считали «сербской национальной партией по преимуществу». Преследуя свои интересы, «антисербы» шли в оппозицию вместе с В. Мачеком [3. Ф. 37. Д. 51].

По мнению властей, при проведении тайных выборов 75% населения голосовали бы за оппозицию, чтобы, повторяю, с их помощью достичь автономии, а потом потребовать объединения с Болгарией и «расширения границы в этническом смысле», т.е. имея в виду греческую Македонию [3. Ф. 37. Д. 51].

При этом подчеркивалось, что македонцы считали белградских сербов «узурпаторами, пришельцами, эксплуататорами, постоянно [...] неприятельски настроены и объединенными силами систематически работают над вытеснением [...] по всем направлениям» [3. Ф. 37. Д. 51].

Одновременно власти Скопле признавали, что «время стагнации в хорватском вопросе, ликвидация болгарского революционного комитета, наши хорошие отношения с Болгарией, и, напоследок, наши отношения с Италией и Австрией (исчезла поддержка хорватского сепаратизма)» – все это привело к открытому, без конспирации, призыву: «Македония для македонцев» или сербскими словами «Южная Сербия южносербиянцам». Для достижения этой цели, население призывалось активно участвовать в выборах в скупщину, оказывая поддержку и оппозиции, и проправительственной партии, чтобы в парламенте бороться за осуществление лозунга – «Македония для македонцев», а все остальные остаются в своих границах! [3. Ф. 37. Д. 51].

В такой ситуации для сербских властей было главным «не давать им пройти в большом количестве в парламент», «больше и лучше, и планово помогать нашим (сербам местным уроженцам и так называемым пришельцам) в этих краях» и «только их видеть как можно больше как представителей Южной Сербии в парламенте» [3. Ф. 37. Д. 51].

Добавлю, что для властей «македонец (и серб, и экзархист) позитивен, реальный и грубый материалист [...] их больше всего удовлетворит народное благосостояние, экономическое процветание, при все большем равноправии.

Мила им автономия Македонии, но им милее, чтобы через умную табачную, афионскую и вообще хозяйственную политику» добиться «денег, благосостояния. Кто на том поле даст больше, они и будут с ним» [З. Ф. 37. Д. 51].

Весьма грубо, но вся сложность, не забывая о национальном вопросе, заключалась и в том, что, по мнению провинциальных властей, ни политики, ни государственные деятели не имели достаточного представления о ситуации на «Юге». Отсюда и проистекали «фатальные ошибки в сфере проведения экономической и национальной, государственной и партийной политики» [З. Ф. 37. Д. 51].

31 мая 1938 г. по приглашению министра внутренних дел А. Корошца в его кабинете встретились генеральный секретарь общества Св. Савы Хадживасильевич, ответственный работник Министерства внутренних дел Д. Лазич, ответственный работник Министерства иностранных дел М. Смильнич, заместитель шефа центрального прессбюро Б. Богданович, директор агентства «Авала» М. Йованович и инспектор Цв. Джорджевич для обсуждения ситуации в «Южной Сербии». Тамашняя обстановка вызывала тревогу в связи с инспирированной извне, т.е. из Софии, деятельностью части «южносербийской интеллигенции», проведения там «легальной акции», направленной против интересов государства.

В развернувшемся обсуждении приняли участие все гости министра. Богданович видел лекарство, прежде всего, в хорошей администрации, в газете, имеющей влияние на читателей, в устранении «экзархистских учителей и священников». Лазич, в свою очередь, обращал внимание присутствующих на работу болгарского радио с его передачами «болгарам из порабощенных краев». Йованович, подчеркивая опасность от «легальной акции», утверждал, что она инспирирована из Болгарии, с которой хотя и заключен пакт о вечной дружбе, но верить ей нельзя. Смильнич считал, что опасность не так велика, и был склонен верить тому, что «легальная акция» скорее может быть инспирирована из Загреба, а не из Болгарии, правительство которой «в границах возможного сделало очень много, чтобы разогнать революционный комитет и другие македонские организации» [З. Ф. 34. Д. 51].

Однако обсуждение закончилось ничем, министр лишь обещал обсудить настоящий вопрос с другими представителями власти. По сути, ситуацию можно было разрешить на международном уровне, точнее, с очередным переделом Балкан в результате надвигающейся очередной мировой войны.

Болгария могла бы «забыть» Македонию «на пятьдесят лет вперед» при условии присоединения к ней давно желанной Южной Добруджи. Именно так утверждал царь Борис в беседе с британским дипломатом Дж. Рендлом в январе 1939 г. [12. Т. 2. С. 185]. Однако все хитросплетения и «обещания» в политике были разрушены Второй мировой войной, по результатам которой монархические режимы Болгарии и Югославии были ликвидированы и начато строительство новых государств на иных основах.

Все это и позволило в рамках Федеративной народной республики Югославии впервые после долгого времени воссоздать македонскую государственность.

В настоящее время проблемы, связанные с самим существованием македонского государства после слома СФРЮ, опять-таки замыкаются на национальном вопросе, вернее, албанском. Уже типичным стало искать выход в членстве новых «самостоятельных» государств в различных европейских союзах, в объединенной Европе. В сущности, все они нуждаются в очередной «империи цивилизованного образца», способной защитить их государственность от «чужеродных посягательств». Соответственно, для Европы Македония может служить лишь «почвой» для «выращивания» на ней «македонских европейцев» или очередной оккупации

онной зоной, в которую уже постепенно и последовательно превращается Македония. Обретя свободу от «тоталитарной» Югославии, Македония теперь должна доказывать свою толерантность к албанцам через, грубо говоря, самоликвидацию и вхождение в европейское пространство, но в нем македонцев уже не будет – одни европейцы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Цветковска Н.* Македонското прашање во југословенскиот парламент меѓу двете светски војни. Скопје, 2000.
2. *Jovanović V.* Jugoslovenska država I Južna Srbija 1918–1929. Makedonija, Sandžak, Kosovo I Metohija u Kraljevini SHS. Beograd. 2002.
3. Архив Србије и Црне Горе.
4. *Палеиутски К.* Македонският въпрос в буржоазна Югославия 1918–1941. София, 1983.
5. *Бодрожич М.* Прилог о ставу посланика Вардарске бановине према ситуацији у том делу Краљевине Југославије од 1932–1934 // Вардарски зборник. № 3. Београд, 2004.
6. *Кайчев Н.* Разговор на Иван Михайлов с хрватскиот политик Марко Дошен // Македонски преглед. 2005. Кн. 4.
7. Старое время. Белград.
8. Краљевина срба, хрвата и словенаца. Алманах. Загреб, б/г. С. III. Д. 7–9, 1927–1928.
9. Буџет Вардарске бановине за 1940–1941 годину. Скопје, 1940.
10. *Лилић Б.* Делатност народног универзитета предратне јужне Србије у Скопљу // Вардарски зборник. № 4. Београд, 2005.
11. *Божинов В.* Земното кълбо не престава да се върти, ако ние и да спим Ръказ за живота на Андрей Ляпчев. София, 2005.
12. Цар Борис III в британската дипломатическа кореспонденция. София, 2005. Т. 1. (1919–1934 гг.). София, 2007. Т. 2 (1934–1941 гг.)
13. *Цветковска Н.* Политичките партии во парламентарните изборни борби во вардарскиот дел на Македонија (1919–1929). Скопје, 2004.